

Дом Божко

[Григорий Евдокимович Божко]

На чётной стороне улицы имени Кардовского, которая до революции называлась Новомосковской, потом 2-й Советской, стоит жилой дом под номером 50.

Дом деревянный, на каменном фундаменте, в пять окон по переднему фасаду добротной постройки прошлого века. Дом-ветеран прожил много трудных лет, не один раз менял владельцев, большинство из которых по недостатку средств мало заботились о его ремонте и наружном виде. Он утратил многие элементы первоначального декора: карнизную фигурную решётку на фронтоне, обветшавшая железная кровля частично заменена шиферной, исчезли нижние цветные стёкла в оконных рамах и величественные ворота, всегда обращавшие на себя внимание проезжих художников, не существует ряда дворовых построек (конюшня, каретный сарай), и многое другое. Но для своих лет дом ещё стоит бодро, и если не попадёт в полосу нового строительства, то доживёт и до двадцать первого века.

О некоторых жителях этого дома следует хоть кратко упомянуть, так как они оставили свой след в истории Переславля.

Старым переславцам-долгожителям этот дом памятен как дом Божко, по фамилии известного в своё время в городе и уезде врача Григория Евдокимовича Божко, который во второй половине прошлого XIX столетия жил и работал в Переславле.

Г. Е. Божко был выходец с Украины, из Харьковской губернии, того же уезда, слободы Озерянки. Дом этот с надворными постройками и движимым имуществом (включая экипажи и лошадей) он купил с аукционного торга при Переславском съезде мировых судей в ноябре 1880 года (кому ранее принадлежал дом и почему он шёл с аукционного торга, пока установить не удалось).

Из записей в протоколах Переславского земского собрания тех лет видно, что Г. Е. Божко работал в должности земского уездного врача, участвовал в борьбе с эпидемическими заболеваниями (холерой), принимал участие в общественной жизни уезда, избирался гласным и как врач, не равнодушный к недостаткам в жизни уезда, активно участвовал в заседаниях земского собрания. Например, он ставил вопросы о плохой организации конного транспорта для служебных поездок по уезду и за его пределы и приводил примеры из собственного опыта. Так, когда ему пришлось выехать по вызову окружного суда в Суздаль на тарантасе «даже без рогожной прикрывки и даже без подкурника и круга в передней подушке оси тарантаса,¹ вследствие чего, при всём искусстве ямщика, я был два раза на боку в грязи вместе с кузовом тарантаса (а дело было в октябре). Или удовольствие быть смоченным дождём мы испытали с судебным следователем в более тёплые времена в августе в поездке в дер. Ченцы, тарантас был также без прикрытия». В заключение Г. Е. Божко говорил: «Таковое со стороны содержателей лошадей равнодушие к здоровью чиновников мало назвать только равнодушием, это близко к посягательству на здоровье чиновников».² Им поднимались и другие вопросы, связанные с санитарным состоянием уезда. Скончался Г. Е. Божко в 1888 году.

По его духовному завещанию дом, движимое имущество и капитал унаследовала его жена Варвара Григорьевна. Своих детей у Божко не было, но был усыновлённый сын Григорий Григорьевич Божко, которому по завещанию было выделено восемь тысяч рублей.

В. Г. Божко пережила мужа на 21 год, она скончалась в ноябре 1909 года, перед смертью завещав всё своё имущество, движимое и недвижимое, родной племяннице — вдове Екатерине Николаевне Ивановой, которая с 1904 года всей семьёй проживала вместе с тёткой.

*Соболев, П. В. Дом Божко / П. В. Соболев // *Коммунар*. — 1997. — 18 июля; 25 июля; 29 июля. — С. 6; 6; 6.

¹То есть тарантас в передней оси не имел поворотного круга.

²Из журналов уездного земского собрания за 1871 г.

[Владимир Филиппович Иванов и семья]

О семье Ивановых нам известно следующее. Муж Е. Н. Ивановой, Владимир Филиппович Иванов родился в 1867 году в Подмоскowie, видимо, в семье учителя Филиппа Ивановича Иванова, имевшего чин коллежского советника.

Филипп Иванович уделял большое внимание воспитанию сына, о чём свидетельствуют такие документы, как семейный рукописный литературно-художественный журнал «Русь», который отец выпускал вместе с девятилетним сыном. Дошедший до нас экземпляр снабжён рисунками, а небольшие заметки в нём пишут отец и сын. Содержание заметок детски-наивно (что вполне понятно), но выпуск подобных семейных журналов был довольно редким явлением того времени. Ещё пример. Когда сын учился в последнем классе гимназии, отец дарит ему учебник «Физиологическая химия» доктора В. Кюне (перевод с немецкого под редакцией И. Сеченова, издание Санкт-Петербург, 1866 г.) с надписью: «Любителю химии, любезному моему сыну Владимиру Филипповичу Иванову. Дарю на память и для тщательного, всестороннего изучения. Ф. Иванов, 27 мая 1884 г.»

По окончании гимназии Владимир Филиппович поступил, а затем окончил полный курс Московского университета в 1891 году с дипломом I степени физико-математического факультета естественного отделения. На последнем курсе университета он был уже женат.

Казалось бы, всё складывалось отлично. Закончен университетский курс, получены знания в любимой отрасли, создана семья. Пришла пора приступить к практической деятельности, как писал поэт Н. А. Некрасов: «Тут уж поприще широко, знай работай да не трусь». Но не тут-то было.

Владимир Филиппович по своему характеру не был учёным-сухарём. Он любил свои естественные науки, но не был чужд и окружающих общественных событий. Вместе с товарищами по курсу он принимал участие в студенческих сходках, так как не мог проходить мимо политических событий и не откликаться на тяжкую долю народа.

Его широкая правдивая натура всегда была открытой, и, видимо, при допросах он не скрывал своих антипатий к действиям правительства. И хотя он ни в коей степени не был вожаком в студенческих волнениях, но был отмечен как вольнодумец, могущий содействовать потрясению основ государства. Поэтому, вместо направления к службе, он получил определение к административной высылке на 5 лет в места не столь отдалённые, в среднюю Сибирь, посёлок Илимск. Двигаясь туда по этапу, он вёл дневник, который дошёл до нас в пересказе его дочери Валентины Владимировны.

По её рассказам, отец подробно описывал природу этих мест и тяжёлые эпизоды этапных порядков. Видимо, по хлопотам родных, а главное, за отсутствием наличия каких-либо явных преступлений Владимиру Филипповичу было разрешено возвратиться из ссылки досрочно в 1895 году.

В 1895—96 учебном году он работал преподавателем математики во 2-м Московском кадетском корпусе, но, видимо, здесь его присутствие сочли опасным. Он перебивается частными уроками, и в это-то трудное для семьи Ивановых время протянула им руку помощи тётка жены Варвара Григорьевна Божко.

Наконец, только в 1904 году Владимир Филиппович получает место преподавателя физики в женской прогимназии маленького города Переславля-Залесского. В семье Ивановых уже двое детей: сын Борис и дочь Валентина.

Получивший доброе воспитание в семье, с университетским образованием, исключительно трудолюбивый, честный и талантливый, любитель природы, но с клеймом вольнодумца, неблагонадёжного человека, Владимир Филиппович вступил на педагогическое поприще в Переславле. Это была недюжинная натура.

Казалось бы, такая моральная травма в начале жизненного пути, поломанная служебная карьера, материальные трудности должны бы сломать этого человека, озлобить, а может быть, способствовать предаться пороку пьянства, такому частому в подобных случаях, но этого не случилось. Видимо, доброе воспитание в детстве, дальнейшее развитие характера в гимназии и университете сыграли свою положительную роль. Он остался цельной натурой, доброжелательным человеком к преподавателям, к ученицам.

Уже его первые уроки показали лицо педагога по призванию с глубокими знаниями естественных наук.

В 1904 году прогимназия становится полной гимназией, и В. Ф. Иванов ведёт занятия по математике и физике в старших классах. В декабре этого же года он назначается инспектором

гимназии и председателем педагогического совета гимназии с окладом содержания 2 100 рублей в год.

Весь свой досуг он посвящает семье, воспитанию детей, а летние каникулы — природе Переславского края. Путешествует пешком да ещё с фотоаппаратом, которые в то время были довольно тяжёлые, а фотопластинки на стекле. Сперва один, а потом с подрастающим сыном. Они сделали уникальные снимки природы Переславского края, особенно много западного берега озера Плещеева, реки Вёксы с её знаменитыми «кручами», реки Нерли Волжской. На ней засняли валун Лось-камень, лесные угодья вокруг селений: Усолья, Купани, Хмельников, Гора-Новосёлки и других. Большое количество негативов, снятых Ивановыми, с видами этих мест и сейчас хранятся в фондах нашего музея.

К сожалению, его педагогическая деятельность в Переславле продолжалась недолго. 11 ноября 1908 года он скончался в возрасте 41 года от разрыва сердца.

[Борис Владимирович Иванов]

Влияние отца на сына Бориса в деле приобщения его к природе было огромно, об этом рассказывают многочисленные фотографии, в которых на фоне леса, болота, дороги почти всегда присутствует Борис. Длительные пешеходные путешествия с остановками на ночлег в населённых пунктах у знакомых крестьян, часто в школе села Гора-Новосёлка, у знакомых учителей. Можно предполагать, сколько интересных рассказов о природе и её законах слышал Борис. Уже в юном возрасте он собирает гербарии и самостоятельно даёт к ним описание. Но в своих беседах Владимир Филиппович, видимо, старался обходить острые вопросы общественного развития, памятуя свою печальную историю.

Уединение с природой развили у Бориса застенчивость, боязнь шумных молодых компании, он чуждался девушек, был очень раним и доверялся людям только тем, которых хорошо знал.

В науке он пошёл по стопам отца и по окончании гимназии закончил высшее учебное заведение с уклоном в естественные науки.

С Борисом Владимировичем Ивановым я встретился осенью 1922 года, когда поступил в Переславскую школу 2 ступени (бывшую мужскую гимназию). Он был преподавателем естествознания, в нашем классе читал ботанику, в то время ему было уже 30 лет.

Это был, несомненно, очень знающий преподаватель, разносторонне талантливый, но вместе с тем глубоко несчастный человек.

Он был человек науки, но не педагог, в естествознании он имел глубокие теоретические знания, практический опыт, прекрасно знал флору Переславского края, но на уроках материал излагал бесцветно, классом не владел, на его уроках не было никакой дисциплины, он просто боялся учеников.

Отдельные нахалы из нас буквально издевались над ним, пользуясь его беззащитностью.

Он получил нелепое прозвище «ландриныйч», а за торопливую и как бы крадущуюся походку — «машина». Он всегда старался стусеваться, быть незаметным и как улитка уходил в свою раковину.

А интересы его были разносторонни, он много занимался фотографией, порядочно играл на фортепиано, аккомпанируя хору или солистам на вечерах художественной самодеятельности.

Но быть на «большой» публике ему было трудно, он старался как можно незаметнее сесть к роялю и по окончании номера сразу исчезал. Он увлекался астрономией, сам смастерил телескоп, причём линзы к нему шлифовал вручную. С появлением радио он одним из первых в городе сделал сперва детекторный, а потом ламповый радиоприёмник, увлекался игрой в шахматы.

Среди его близких приятелей и спутников в походах на природу были: преподаватель рисования Борис Иванович Покровский, который обычно брал с собой ружьё и собаку, но почти всегда возвращался домой, не сделав ни одного выстрела, Фёдор Дмитриевич Бессонов — старый охотник — и его сын Игорь Фёдорович, их часто можно было видеть идущими в лес. Сам Борис Владимирович никогда не охотился, а только собирал растения и фотографировал живописные лесные, луговые и речные виды. Только на природе, в этом узком кругу, он буквально преображался, шутил, смеялся, мог даже проказничать, давал волю своей застенчивой натуре.

Время было трудное, зарплата у преподавателей была небольшая, поэтому в материальном отношении большинство учителей жило трудно. В 1932 году Б. В. Иванов перешёл из школы в наш Переславский музей, где он заведовал отделом природы в течение 7 лет и много сделал

полезного в деле улучшения его экспозиций, сделал много фотоснимков по заданию руководства музея. Войдя в небольшой коллектив музейных работников и занявшись непосредственно любимым делом, он морально ожил, оттаял, стал более общительным и инициативным. О его деятельности в музее с большой теплотой вспоминал тогдашний директор музея Константин Иванович Иванов.

В музее Б. В. Иванов встретился с женщиной-ленинградкой, вдовой (она работала смотрительницей зала), которая сумела не только подружиться с ним (они были однолетки), но даже женить его на себе, и в 1939 году они уехали в Ленинград. Там Борис Владимирович устроился на работу по специальности в одном из институтов. Началась война. А в 1942 году истощённого и больного Бориса Владимировича жена сумела вывезти из блокадного Ленинграда, они преодолели все трудности пути в условиях военного времени, добрались до Переславля. Он вошёл в дом (в доме оставалась сестра), сел на диван и умер. Ему было 50 лет. Его похоронили на кладбище близ Сокольской слободы. Супруга его Ольга Демьяновна осталась в Переславле, пережила его на 27 лет и скончалась в 1969 году, в возрасте 78 лет.

[Валентина Владимировна Иванова-Проппер]

Последняя представительница семьи Ивановых была дочь Владимира Филипповича — Валентина Владимировна Иванова-Проппер.

По окончании женской гимназии в 1915 году, дальше учиться ей не пришлось в связи с материальными трудностями, она всю жизнь проработала в финансовых организациях города контролёром (в банке, в сберкассах); как работник, отличалась исключительной исполнительностью. Личная жизнь у неё не задалась, она вышла замуж за москвича Владимира Проппера, у них родился сын, в дальнейшем пути супругов разошлись. Всё своё внимание и любовь она перенесла на сына. Он окончил среднюю школу в Переславле в 1939 году и поступил в военное училище, где получил звание офицера. Погиб на фронте в первый год Великой Отечественной войны.

Потерю сына Валентина Владимировна переносила очень тяжело, к этому времени и её мать, Екатерина Николаевна, скончалась, и она осталась совсем одна.

Правда, её одиночество скрашивала компаньонка, довольно оригинальная особа, о которой следует сказать несколько слов. Когда сын Валентины Владимировны был ещё маленьким, ей нужен был человек для присмотра за ним, сама она работала, а её мать была уже стара и болезненна. В это время в Переславль каким-то ветром занесло довольно странную старую деву Олимпиаду Степановну, которая, по её словам, раньше проживала в Казани и поэтому в шутку называла себя «Казанской сиротой». Чем она существовала? Видимо, тоже «жила в людях». При каких-то обстоятельствах она встретилась с Валентиной Владимировной, они понравились друг другу, и она прижилась на правах помощницы по хозяйству, компаньонкой, приживалкой и прожила тут более 30 лет. Старушки слушали радио, главным образом художественные передачи, имели суждение о любимых артистах. Валентина Владимировна восхищалась пением Козловского, а Олимпиада Степановна — Лемешевым, и по этому поводу были лёгкие споры, вроде: «Ну уж ваш Козловский. — А уж ваш Лемешев» и так далее. Любили выступления Аркадия Райкина. Так изо дня в день протекала предзакатная старость. Здесь «казанская сирота» Олимпиада Степановна обрела уютное прибежище.

И только когда тяжело заболела и слегла, её взяла к себе родная сестра, Екатерина Степановна Алексеева, фармацевт по специальности, проживавшая в Голутвине под Москвой.

Валентина Владимировна от природы была застенчива, трудно сходилась с людьми, но на самом деле была добрейшей души человек. Дом был большой, половина принадлежала брату, в которой после его смерти проживала его вдова и семейство дочери, а часть своей площади Валентина Владимировна за символическую плату сдавала жильцам. Выйдя на пенсию, копалась в грядках своего огорода, но всё остальное свободное время проводила в чтении художественной литературы, что позволяли средства, хоть изредка покупала книги. До последних лет жизни была активной читательницей городской библиотеки, выписывала газету и журнал «Огонёк». Вышивала по канве.

Очень любила животных и птиц, постоянно у неё жили кошки, собаки и какая-нибудь пострадавшая галка или ворона.

Скончалась она в 1960 году в возрасте 64 лет и похоронена рядом с могилой брата на кладбище близ Сокольской слободы.

[Борис Иванович Покровский]

Заканчивая описание жителей дома 50, скажем несколько слов о близком друге Бориса Владимировича Иванова, его товарище по работе, Борисе Ивановиче Покровском, часто посещавшем дом 50 (он жил через два дома на квартире у Малчевских в доме 56).

По специальности он был учитель рисования. Очень скромный, он имел несомненный талант и художественное чутьё, хорошо знал историю развития живописи в России. В нашем музее есть его работы, в основном акварели и карандаш — виды Никитского монастыря и другие зарисовки. Борис Иванович принимал активное участие в художественной самодеятельности города в качестве декоратора и гримёра. Женат не был, но прекрасного пола не чуждался.

В 1931 году из школы перешёл на работу в наш музей, где заведовал картинной галереей и всей оформительской работой по экспозициям. Но в 1933 году скончался, не дожив и до 50 лет.

Родных у него не было, и хоронил его коллектив работников музея. Он похоронен на кладбище у Черниговской часовни. Во время военных лет могила его затерялась.

В настоящее время дом 50 принадлежит трём частным владельцам, выехавшим из сельской местности, и никаких следов ранее проживавших в нём людей теперь не сохранилось.

О прошлом Переславля конца XIX и первой половины нашего века не с кем стало поговорить. Свидетели того времени почти все умерли, но память о прошлых событиях, историях и людях, пусть самых простых, нужно постараться сохранить, ведь они оставили свой след в истории города, и пусть знают о них те, кто пришёл им на смену.

Особенно велик наш долг по сохранению памяти наших учителей и врачей — ведущей силы в городе и районе.

Какой великий труд они вынесли на своих плечах, первые, воспитывая молодое поколение, готовя к трудовой творческой жизни, и вторые, преграждая путь болезням и облегчая страдания больных.

П. Соболев.